

18. Блаватский В.Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (в I в. до н. э.— III в. н. э.) // Советская археология. 1964. №4.
19. Ботушарова Л. Тракийски култове от Филиппол // Годошник на народния музей в Плов-див, IV.
20. Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI — II вв. до н. э. М., 1981.
21. Зубарь В.М. О некоторых аспектах идеологической жизни населения Херсонеса Таврического в позднеантичный период // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990.
22. Штаерман Е.М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961.
23. Щеглов А.Н. Фракийские посвященные рельефы из Херсонеса Таврического // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969.
24. Saratov T. Sur la culte d'Heracles en Bulgarie. // Acta antiqua philippopolitana. Studia archaeologica. Sofia, 1963.
25. Крыкин С.М. Фракийцы в греческих городах Северного Причерноморья. Автореф. дисс. канд. ист. н. М., 1987.
26. Граков Б.Н. Скифский Геракл // Краткие сообщения института истории материальной культуры, XXXIV, 1950.
27. Раевский Д.С. Эллинские боги в Скифии? // Вестник древней истории. 1980. № 1.
28. Немировский А.И. Мифы древней Эллады. М., 1991.
29. Мещеряков В.Ф. Религия и культуры Херсонеса Таврического в I—IV вв. н.э. Автореф. дисс... канд. ист. н. М., 1980.

В. А. Летин

Рай. Улица Счастья, Гоголю. (Место и роль города в творчестве Н. В. Гоголя)

“Странными” называл Н.В.Гоголь те истории, что выходили из-под его пера. “Самый необыкновенный из прозаиков и поэтов, каких когда-либо рождала Россия”, и не мог написать обыкновенных историй [1].

Гоголевские повести и рассказы, пьесы и поэма привлекают читателей замысловатостью лиц, изображенных автором, и положений, в которых эти лица оказываются по ходу действия. Литературоведам подобное качество художественных произведений представляется благодатным полем для самых разнообразных исследований. Однако многие из них, рискуя заблудиться в пространстве, насыщенном самыми неожиданными умозаключениями, предпочитают предусмотрительно придерживаться проторенных предшественниками путей, в результате чего одни и те же аспекты творчества писателя превращаются едва ли не в общие места школьных учебников. Примером могут служить многочисленные вариации на тему природы и значения гоголевского смеха, особенностей гротеска, отражения фольклорных традиций или бытовых реалий. Так, одним из малоисследованных моментов является тема Города в произведениях и жизни Гоголя. В то же время сам писатель словно провоцирует исследователей к этому, либо вынося в заглавие сборника и повести названия городов Миргород (1836) и Рим (1842), либо до такой степени пропитывая страницы собственных произведений атмосферой определенного города, что за шестью повестями, созданными в период с 1836 по 1842 годы и опубликованными под одной обложкой в 1842 году, в критике закрепляется наименование “петербургских”.

Мы предполагаем, что присутствие в жизни писателя и в его творчестве Миргорода, Петербурга и Рима имеет значение гораздо большее, чем просто обозначение места его проживания в различные периоды жизни. Естественно, что объем статьи не позволит в полной мере проанализировать природу Города и те законы, по которым в гоголевских городах строится жизнь. По этой причине мы поставили перед собой более скромные цели. Здесь мы попытаемся, во-первых, определить местоположение указанных городов в художественной картине мира писателя и, во-вторых, выявить их смысловую значимость для писателя.

Прежде всего обратим внимание на следующее обстоятельство: до сих пор исследователи гоголевского творчества относились к названиям городов буквально как к географическим наименованиям, связанным с фактами пространства реальной жизни. Однако, став частью художественных произведений, они обрели качества художественного пространства, а “художественное пространство,— по утверждению Ю.М.Лотмана,— представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений” [2].

Этот факт нисколько не учитывался теми из исследователей, которые использовали “городские” страницы Гоголя для аргументации собственных урбанистических теорий. В большинстве случаев внимание обращалось прежде всего на социальный аспект жизни города. В целом факт такого обращения носил достаточно формальный характер. Все сводилось к поиску (всегда успешному) “единственно правильной оценки произведений Н. В. Гоголя”. Отправной точкой при создании модели подобной “интерпретации” послужили публицистически заостренные работы В. Г. Белинского. Полное же утверждение этого механизма по интерпретации произведений “великого русского писателя” в официальном литературоведении связано с именем М. Б. Храпченко. Целью такого исследования было очередное утверждение общественно-политической значимости творчества писателя.

Следует сказать, что универсальность алгоритма рассуждения, используемого при этом исследовании, позволяла творчество любого, подходящего случаю писателя использовать в качестве повода для насильственного вчитывания в мир его произведений вульгарно-социологических идей.

Тем же, кто в силу каких-либо причин не укладывался в прокрустово ложе вышеприведенного алгоритма, будь то Б. Эйхенбаум, А. Белый, В. Набоков и позже Ю. Лотман, Ю. Манн, приходилось либо приспособливаться и учитывать официальную версию образа писателя, либо пребывать в неизвестности для широкого круга читателей, поскольку в прямом смысле слова было опасным для жизни не видеть в “Шинели” “мать русского реализма”, а в ее авторе — “основоположника “гоголевского” периода в русской литературе”.

Итак, с тремя городами традиционно связываются три этапа в жизни Н. В. Гоголя, последовательно сменявшиеся один другим. “Если в “Вечерах...” и “Миргороде” изображалась патриархальная Малороссия, то впоследствии автор переходит к изображению “цивилизованного” общества, делая объектом своего внимания Париж (повесть “Рим”) или Петербург” [3].

При подобном упорядочении творческого процесса вехи жизненного пути писателя накладываются на этапы пути творческого. Однако Гоголь, по убеждению А. Белого, “не замыкает” свои прозаические произведения, художник, в данном случае, словно “обрастает продуктами своего творчества” [4]. Значит, Миргород, Петербург и Рим в жизни Гоголя не сменяли друг друга последовательно, как города на дороге, а присутствовали в

сознании писателя постоянно, лишь в различные периоды жизни они приобретали различные качественные значения и в зависимости от них то открыто представляли на страницах произведений, то лишь только угадывались в аллюзиях.

Тем не менее, привычка читателей видеть в творениях Гоголя “проблемы мировой цивилизации” делает оппозицию Миргород — Петербург смехотворной, а намеки самого автора на возможность такого рода сопоставления (как равновеликих объектов) расценивать не более чем курьёз. Но стоит прочесть Гоголя “гоголизированными” [5] глазами, как первоначальное недоумение рассеется само собой. Масштаб уже имеющего литературную славу Петербурга — столицы Российской империи лишь на первый взгляд не соотносится с масштабом захолустного малоросского городишки, больше похожего на литературную мистификацию, нежели на реально существующий город. Его довольно-таки громкое имя теряет пафос своего звучания после знакомства с “реальными” сведениями в двух эпитафиях, предваряющих собой сборник повестей. Ю. М. Лотман определил их значение “как выделение двух точек зрения на понятие достоверности” [6]. Мы же остановимся на рассмотрении роли и значения этих эпитафий подробнее, заодно обратим внимание и на значение самого названия сборника “Миргород”.

Итак, первый из двух эпитафий принадлежит некоему г.Зябловскому и взят Гоголем из составленной оным “Географии”: “Миргород нарочито невеликий город при реке Хорол. Имеет 1 канатную фабрику, 1 кирпичный завод, 4 водяных и 45 ветреных мельниц” [7]. Заметим здесь, что в повестях, составляющих сборник, ни разу не говорится о реально производящих “продукт” канатных фабриках и кирпичных заводах.

Другой эпитафия — свидетельство, почерпнутое автором “из записок одного путешественника”, — сообщает о том, что “хотя в Миргороде пекутся бублики из черного теста, но довольно вкусны” [8].

Если в первом случае давалось хоть какое-то представление о “промышленности” города, то во втором — речь идет и вовсе о пустяках. Однако именно здесь мы склонны видеть значимый смысл, раскрытие которого объясняет авторскую позицию относительно Миргорода как города, который вполне может противостоять далекому (“в три года не доскачешь”) Петербургу, если посмотреть на его жизнь сквозь своеобразную лупу — миргородский бублик.

Традиция анонимных эпитафий и безымянных путешественников к моменту создания сборника была уже известна в русской литературе со времен Карамзина. Но случайно ли оказывается инкогнито гоголевский путешественник, упомянувший в своих записках о Миргороде?

Предположим, что Гоголь, к тому времени уже имевший опыт в изобретении псевдонимов, умышленно не назвал этого человека по имени. О том, что подобный шаг был принципиальным для писателя, говорит ряд свидетельств из других произведений, на страницах которых встречаются персонажи, напоминающие такого путешественника. Так, на Невском проспекте в одноименной повести мы сталкиваемся с “заезжим чудаком, которому все часы равны” [9]; в “Театральном разезде” “очень скромно одетый человек” [10], приехавший из провинции, раздражается благородной тирадой о нравах русского народа и о судьбе России, в обществе опять-таки безымянных, по воле (безымянного здесь) Автора, господ. И, наконец, сам Н.В. Гоголь свидетельствует собственноручно записью в альбом А.Т. Сабининой в 1845 году: “Совсем забыл свою фамилию; кажется был когда-то Гоголем” [11].

Рассуждения о значении имени или его отсутствия в творчестве Н.В. Гоголя могут увести нас в сторону от “дегустации” миргородских бубликов, в то время как нам представляется важным сделать здесь следующие выводы: писатель принципиально не называет по имени автора второго эпитафа, позволяя читателю думать по этому поводу все, что тому угодно, тем самым скрытый по характеру Н.В. Гоголь отводит глаза читателя от собственной персоны.

Таким образом, признав в “безымянном путешественнике” самого Н.В. Гоголя, на использование которым биографических сведений в миргородских повестях неоднократно указывалось в исследовательской литературе, мы делаем вывод о том, что “ничтожное” свидетельство о каких-то захолустных кондитерских изделиях обретает трагическое звучание, а в сведении вместе “двух различных точек зрения” на один город заложено скрытое противостояние Миргорода и Петербурга, то есть холодному расчету ученого петербуржца г. Зябловского противопоставляется впечатление самого автора о необычайном вкусе бубликов из черной муки. Для него этот необычайный вкус — вкус родного хлеба.

Тем не менее, Миргород действительно захолустье и не может идти ни в какое сравнение с великолепием Северной Пальмиры, если смотреть на

него “официальными” глазами Зябловского и К. Со времен В.Г. Белинского в основном столичная (петербургская) литературная критика признавала жизнь миргородцев “пошлой”, “животной” и относилась к ней как к “уродливой карикатуре” [12], не предполагая даже, что, кроме привычки (“единственного человеческого чувства”), старосветским помещикам, равно как и всем этим нелепым провинциалам, обитателям “малознаемой России”, свойственно еще что-то человеческое.

Привычка — по пушкинской формуле — замана счастью, в данном случае это можно прочесть и как органичное его продолжение. Аборигены Миргорода по-настоящему счастливы, и лишь чужие глаза с высокомерным презрением высоких проезжих гостей не увидят трагедии, которая исподволь проступает сквозь тихие и привычные радости горожан. Не случайно ссора, война, смерть воспринимаются в этом городе как Катастрофа.

Сам же Миргород долгое время в литературоведении понимался как собирательный образ русской (даже без поправки на малоросский колорит) провинции, то есть город, равный провинциальному мирозданию! Однако в соответствующей исторической эпохе орфографии слово “Миргород” писалось через современную букву “и”, и, с учетом этого, мы можем увидеть укоренившуюся ошибку в трактовке названия гоголевского города. В орфографии слово “мир” было синонимом лада, гармонии, отсутствия ссор и войны, то есть синонимом “счастья”; в то время как значения “света”, “страны” имело слово “Mir” [14].

Значит, Миргород, для Гоголя, — счастливый город. Нарушение в нем гармонии переживается автором как трагедия.

Счастливый город оказывается лишь отражением высокого идеала, видевшегося писателю в иной сфере. В одном из своих писем Н.В. Гоголь мечтает отыскать “другую родину”, и этой вновь обретенной родиной становится для него Рим — небесное воплощение Мира: Мир — Рим. Интересно заметить здесь, что римский адрес Н.В. Гоголя — улица Felitche, то есть улица Счастья.

Два города не в быту, не в реальной жизни, но в сознании художника сливаются в единый образ. Для художника мир при этом распадается на две части: Рим — Миргород — место, где он счастлив и Не-Рим — место, где он не-счастлив. Не-Рим — пока это только Петербург, но скоро мы увидим, что порочные черты столицы окажутся присущи и Германии, и французскому Парижу.

Если рассуждения по поводу антитезы Петербург — Миргород и могли показаться чересчур эк-

стравагантными, то противопоставление Петербурга и Рима, наоборот, выглядит вполне традиционным.

Оппозиция Петербург — Рим действительно кажется излюбленной романтической антитезой Север — Юг, тем более, что в своем стихотворении “Италия” от 1829 года молодой автор всю использует поэтические клише, повествуя о том, как должно воспринимать артистической-возвышенной душе “златую Италию” — “отчизну вдохновения”. Уже в ранних сборниках прозы Н.В.Гоголя время от времени намекает на то, что где-то есть земля, более совершенная, чем его родная Малороссия, а к 1842 году он точно знает, что имя этой земле — Италия, в которой, как ему казалось, “душа избавлялась от страданий”. В таком случае эта страна для него оказалась не курортной зоной, как считалось в исследовательской литературе от К.Аксакова до А.Терца, а прообразом Рая на земле. Города в поэтике Н.В.Гоголя предстают символами категорий высшего порядка.

С Римом и в жизни, и в творчестве писателя связан мотив возвращения:

“... несчастлив тот, кто оставил Рим”, “возвращение в Рим в тысячу раз прекраснее, чем куда-либо”. Не случайно именно в Рим автор возвращает *безымянного* героя из неоконченного произведения “Рим” (1842г.). Этот молодой князь — отпрыск древнего, но обедневшего итальянского рода обретает в Вечном городе покой, который столь сильно желает получить сам автор. О том, что значит отсутствие имени в произведениях Н. В. Гоголя, мы уже говорили. Если продолжить эти рассуждения, то можно увидеть, что мотив возвращения в Рим осмысливается писателем как возвращение на Родину. В чертах Вечного города Н. В. Гоголем прозреваются дорогие сердцу черты Малороссии. В одном из писем к А.С.Данилевскому читаем: “Что сказать тебе об Италии?... Мне кажется, будто бы я заехал к старинным малороссийским помещикам... Все на старинный манер...” [15]. Здесь черты малороссийского “рая”, воспринимаемого параллельно как захолустье, накладываются на Рим. Малороссией у него все началось, Малороссией, но очищенной от всего обыденного, некрасивого, случайного, и закончилось.

Языческое же прошлое Рима упоминается Н.В.Гоголем вскользь, без какой-либо существенной акцентации на этих фактах. Оказывается, антиномия: христианство — язычество писателя не интересует, он — весь в христианстве и Рим для него — центр христианского мироздания, а вовсе не “самое крепкое “прикрепление” человеческого

духа к земле и к телу”, к “осязаемой существенно, перед которой все, что было прежде и после, кажется иногда призрачным, бесплотным, несущественным” [17],— как полагал Д.С.Мережковский. Петербургский философ склонен был незамечать того, что полдень, вечно сияющий над Римом, имеет источником своего света отнюдь не лучезарную колесницу Феба.

Наконец, определяющим фактором значимости Рима для Н.В.Гоголя может служить короткое восклицание, оброненное им в одном из писем:

“...там (в Риме) все... близко к Небу!” Следуя логике Н.В.Гоголя, можно видеть положение человечества: чем дальше от Рима, тем дальше от Неба. Та часть мира, которая Не-Рим, вызывает в душе писателя болезненное раздражение, которое нарастает по мере удаления его от Рима и по мере приближения, через Германию, к Петербургу: “Опять я увижу эту подлую Германию, гадкую, запачканную и закопченную табачищем”, “может быть нужно жить в Петербурге, чтобы понять, что Германия хороша” [20].

Именно вдали от Вечного города “художников и монахов” оказывается возможным то самое “сильное прикрепление души” ко всему земному, о каком писал Д.С.Мережковский. Образчик псевдо-Италии рождается в мечтах петербургского художника на страницах повести “Портрет”: “Куплю себе отличный манекен, закажу гипсовый торсик, сформую ножки, поставлю Венеру, накоплю гравюр с первых картин” [18]. Возможность появления такого комнатного варианта *Italia distilata* объясняется двумя причинами: во-первых, удаленностью Петербурга от Рима, то есть от Неба, то есть от Бога, то есть от Истины; во-вторых, невозможностью разобрать сквозь флёр северных туманов и без того далекие очертания земного Рая. Светоносный образ Рима искажается здесь до такой степени, что и с Невского проспекта, и с Елисейских полей Вечный город представляется “каким-то темным заплесневелым углом Европы, где засохла жизнь и всякое движение” [19] (ср. “Нарочито маленький город”). Однако и общеевропейский “мутный колорит”, и “желтый пар” российской действительности равно не позволяют разглядеть и то место, “где на асфальтовые тротуары валит наездная толпа” и чьи “вечное движение и блеск, заманчиво мелькающие вдали, влекут к себе неодолимо” [21].

Черты европейских столиц — Парижа и Петербурга — в поэтике Н.В.Гоголя сливаются в единый образ — Города Скорого Исполнения Желаний. В зависимости оттого, кто попадает в его пре-

дела, этот город изменяет свой облик и каждому сулит (только сулит) все, что этот каждый захочет. Не то Париж, не то Петербург — город-фантом, который так же, как и Рим-Миргород, нельзя отыскать на географической карте, и *никто* не знает дороги до него. Но, поддавшись склонности русских местоимений с легкостью невероятной заменять безнадежность отрицания заманчивым соблазном неопределенности, скажем, что лишь инфернальный *Некто* знает об этом. Этот Некто сам, на своей собственной спине, приносит в Ночь перед Рождеством в *свой город* простодушного кузнеца Вакулу. Этот Некто точно знает, куда девается Нос, сбежавший от человека, и какие еще странные истории совершаются вокруг. Он может выдать “фитюльку” за “Ревизора” и даже подсунуть на продажу “мертвые души”. В конце концов, именно им (тому свидетель Н.В.Гоголь) зажигаются фонари на центральной магистрали Города-призрака. При всем этом, в отличие от своих предшественников-романтиков, создавая образ “злого” города, Н.В.Гоголь не прибегает к помощи явленного во плоти коварного волшебника с отрицательным магическим зарядом. “Строгий и стройный вид” Санкт-Петербурга не искажается писателем в повредившемся рассудке лирического героя, как это часто происходило с излишне романтически настроенными персонажами вроде “бедного” Евгения из поэмы А.С.Пушкина “Медный всадник”.

Как видим, отношение к городам в поэтике Н.В.Гоголя не совсем соответствует их реальной геополитической иерархии. Восприятие родного писателю Миргорода в “контексте” Рима и “немецкого” Петербурга (как и Парижа) у Н.В.Гоголя остро субъективно.

Можно предположить, что коль скоро их нельзя рассматривать в соответствии с данными почтовых ведомств, то и законы, по которым в них строится жизнь, решительно отличаются от теорий Ч.Дарвина или К.Маркса. Главным в определении их координат является не привычная линия горизонта, но духовная вертикаль, в связи с чем все в них приобретает, кроме обыденного, еще один, высший, символический смысл.

ЛИТЕРАТУРА

1. Набоков В. Николай Гоголь // Набоков В. Романы. Рассказы. Эссе. СПб, 1993. С. 250.
2. Лотман Ю. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. О русской литературе. СПб, 1997. С. 622.

3. Воропаева В., Виноградова И. Комментарии // Гоголь Н.В. Собр. соч. в 9 т. М, 1994. Т. 3-4. С. 473.
4. Белый А. Мастерство Гоголя. М., 1996. С. 16.
5. Набоков В. Указ. соч. С. 264.
6. Лотман Ю. Указ. соч. С. 655.
7. Гоголь Н. Миргород // Гоголь Н. Собр. соч. в 9 т. Т. 1-2. С. 196.
8. Гоголь Н. Миргород // Гоголь Н. Собр. соч. в 9 т. Т. 1-2. С. 196.
9. Гоголь Н. Невский проспект // Собр. соч. Т. 3-4. С. 11.
10. Гоголь Н. Театральный разъезд // Собр. соч. Т. 3-4. С. 413.
11. Гоголь Н. В альбом А.Т.Сабининой // Собр. соч. Т. 8. С. 794.
12. Белинский В. О русской повести и повестях Гоголя // Белинский В. Взгляд на русскую литературу. М., 1988. С. 114.
13. Гоголь Н. Театральный разъезд // Собр. соч. Т. 3-4. С. 424.
14. Даль И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. М., 1998, Т. 2. С. 857.
15. Гоголь Н. Письмо к Данилевскому А.С. // Собр. соч. Т. 9. С. 104.
16. Мережковский Д. Гоголь и черт // Мережковский Д. В тихом омуте. М., 1991. С. 213.
17. Гоголь Н. Портрет // Собр. соч. Т. 3-4. С. 61.
18. Гоголь Н. Рим // Собр. соч. Т. 3-4. С. 171.
19. Гоголь Н. Невский проспект // Собр. соч. Т. 3-4. С. 11.
20. Гоголь Н. Письмо Балабиной М. // Собр. соч. Т. 9. С. 127.
21. Гоголь Н. Невский проспект // Собр. соч. Т. 3-4. С. 16.

В. С. Гнатко

ТЕНДЕНЦИИ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

С начала XX века менеджмент обладает собственным предметом исследований и поучительной историей, посылающими мощные потоки идей, концепций, разработок. Теория и практика менеджмента, как и всякая творческая дисциплина, являют собой пример трех напластований: устарелого, непреложного, не востребованного. В менеджменте причудливо сосуществуют и борются